

Внутреннее варварство как социально-философская проблема современности

С. И. Сулимов¹, Б. В. Васильев²

¹ Воронежский государственный университет,
Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1

² Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I,
Российская Федерация, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1

Для цитирования: Сулимов С. И., Васильев Б. В. Внутреннее варварство как социально-философская проблема современности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 121–133. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.110>

Данная работа посвящена рассмотрению такой современной проблемы глобального мирового порядка, как нарастание внутреннего варварства. Опираясь на концепцию Н. В. Мотрошиловой, авторы полагают, что внутреннее по отношению к цивилизации варварство, в отличие от своего внешнего аналога, является побочным результатом цивилизационного развития. Можно сказать, что каждая цивилизация создает собственных внутренних варваров, которые затем способствуют ее гибели. Также в статье приводится типология внутреннего варварства, включающая в себя такие его разновидности, как мидизм, деструктивные контркультурные течения, революционные движения, социальная дезинтеграция (понимаемая как агрессивный индивидуализм) и цифровое варварство (снижение интеллектуального и нравственного уровня людей под влиянием переноса межличностных коммуникаций в интернет). Некоторые из этих типов, действуя по отдельности, практически безопасны для общества, зато другие могут привести цивилизацию к политическому и экономическому коллапсу. Чем старше исторический возраст цивилизованного общества, тем сильнее в нем нарастает внутреннее варварство. Можно предположить, что в обществе накануне его исторической гибели все типы внутреннего варварства присутствуют, действуют и дополняют друг друга, а созданное на основе политических и духовных принципов данной цивилизации государство воспринимается всеми гражданами как нечто внешнее по отношению к ним. Получается, что сограждане борются против своего же государства и друг против друга, и каждый из них надеется получить от всеобщего краха материальные выгоды лично для себя. В качестве примера проявления внутреннего варварства в современном мире авторы рассматривают радикальное афроамериканское движение «Жизни черных важны» (“Black Lives Matter”), в формировании и функционировании которого прослеживаются все указанные выше типы внутреннего варварства.

Ключевые слова: цивилизация, внутреннее варварство, мидизм, контркультура, социальная дезинтеграция, *Black Lives Matter*.

Введение

Взаимодействие цивилизации и варварства представляет собой один из важнейших алгоритмов исторического процесса. Бесспорно, все оставившие о себе память цивилизованные общества добились экономического, политического и ду-

ховного успеха не в последнюю очередь потому, что смогли военным и духовным путями одолеть противостоящие им народы, остававшиеся верными прежнему, нецивилизованному образу жизни. Благодаря деятельности цивилизованных летописцев и путешественников такие безразличные к достижениям цивилизации народы, как древние германцы или средневековые монголы, сохранились в памяти потомков и в наши дни стали объектом пристального изучения историков и культурологов. Цивилизация не только теснит варвара, но и знакомится с ним, вводит его в ареал собственных достижений, а образ варвара прочно поселяется в литературе зрелой цивилизации. Однако в дальнейшем любое цивилизованное общество вступает в полосу затяжного духовного и политического кризиса, создает своих собственных, внутренних варваров, которые в союзе с варварами внешними уничтожают состарившийся политический организм и многие его культурные достижения. Таков общий исторический алгоритм, не раз повторявшийся в истории и достаточно хорошо изученный такими мыслителями, как Дж. Вико, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби и др. Однако современность — особая эпоха, не имеющая полных аналогий в прошлом, потому что глобальный мировой порядок ликвидировал внешнее по отношению к мировой цивилизации варварство. Ему могут угрожать лишь внутренние варвары, и если им удастся сделать свое дело, то наступят «темные века» мирового масштаба. В данной работе мы приведем типологию внутреннего варварства и выделим одно из его фактических проявлений в современном мире.

Цивилизация и варварство как социокультурные феномены

Существует множество определений цивилизованного общества, которые нередко противоречат друг другу. Нам кажется наиболее удачной точка зрения отечественного исследователя Н. В. Мотрошиловой. Согласно этому подходу, цивилизованным является то общество, в жизни которого социально-исторические факторы доминируют над природно-биологическими. Это доминирование выражается во множестве различных характеристик и черт, из которых мы считаем самыми важными рационализацию труда, правосознание и стремление к материальному комфорту [1, с. 37]. Именно углубление и оттачивание этих характеристик является двигателем цивилизационного развития, придавая различным этапам истории той или иной цивилизации неповторимый и вместе с тем узнаваемый облик. Однако ни одно общество не лишено этих особенностей совсем, просто в некоторых обществах они выражены более отчетливо, нежели в других. Например, представитель цивилизованного общества, посетив варварскую периферию или читая о ней чьи-то путевые заметки, отмечает, что у варваров отсутствует правосознание *по сравнению* с его соотечественниками, а не вообще. Например, германцы начала н. э. не были знакомы с римским правом, что дало историку Публию Корнелию Тациту повод для насмешек над ними, но тем не менее их межличностные и межплеменные отношения не были анархичными. По крайней мере, принцип гостеприимства варварами-германцами соблюдался гораздо более свято, чем цивилизованными римлянами [2, с. 52]. Проблема исследования варваров заключается в том, что это исследование всегда оказывается односторонним: цивилизованный наблюдатель изучает варваров, а варвары его как бы не замечают. Точно так же правители

и военачальники цивилизованных обществ строят многоходовые планы завоевания и освоения варварской периферии, а варварские вожди не проявляют к соседям никакого интереса, кроме ситуативной коммерции или грабительских набегов на приграничье. В ряде случаев даже знакомые с цивилизованными соседями варвары не очаровывались ими, а искренне просили оставить себя в покое (таковы были кельтский вождь Верцингеторикс, германский конунг Арминий и тюркский военачальник Тоньюкук). Однако благодаря рационализации труда, которая подразумевает в том числе и рационализацию военно-технической деятельности, цивилизация одерживает победу над варварством, покоряет и ассимилирует варваров или оттесняет их все дальше от своих границ. Внешние по отношению к цивилизованному миру варвары не опасны для государства до тех пор, пока оно не ослабнет и не потеряет своих преимуществ в силу внутренних причин. В частности, духовная, а затем и политическая деградация цивилизации является закономерным результатом развития ее сущностных черт: рационализация труда и стремление к материальному комфорту приводят к появлению многочисленных безработных и бездельников, а гипертрофированное правосознание со временем парализует способность цивилизованного гражданина принимать самостоятельные решения. Именно под влиянием развития своих характерных особенностей цивилизованное общество сначала достигает политической и духовной вершины, а затем клонится к упадку. И сопутствующим показателем этого упадка является рост внутреннего варварства. Автор данного термина, Н.В. Мотрошилова, отмечает, что внутренний варвар, в отличие от варвара внешнего, прекрасно знаком с правовыми нормами и техническими достижениями цивилизации, хорошо умеет ими пользоваться, но духовная основа общественного единства им утрачена. Поэтому весь технический и политический капитал цивилизации такие люди используют в личных и партийных интересах, разрушая созданное предыдущими поколениями социально-экономическое достояние ради своих сиюминутных пожеланий [1, с.87]. Именно благодаря их действиям цивилизованное общество ослабевает настолько, что уже не может дать отпор внешним варварам, которых оно запросто побеждало и ассимилировало несколькими поколениями раньше.

Специфика и типология внутреннего варварства

Однако внутреннее варварство представляет собой более многообразное и глубокое явление, чем нравственный декаданс зрелого цивилизованного общества. Оно включает в себя ряд типов, которые не всегда зависимы или производны друг от друга и даже возникают на различных стадиях цивилизационного развития. Некоторые из них представляют для цивилизации серьезную угрозу, другие же существуют с цивилизацией параллельно, до момента исторического надлома ни на что всерьез не влияя. Перечислим и кратко охарактеризуем основные типы внутреннего варварства.

Мидизм. Данный термин возник в эпоху греко-персидских войн и означал симпатию, проявляемую отдельными эллинами к персам («мидийцам»). Такие «персофилы» необязательно напрямую сотрудничали с врагами, но в той или иной мере считали персов примером для подражания. Например, греческий наемник Ксенофонт, прослужив несколько лет в войске персидского царя, по возвращении на

родину написал сочинение «Киропедия», в котором превозносил персидские методы воспитания юношей. Если попробовать найти пример мидизма в новейшей истории, то иллюстрацией могут послужить настроения, бытовавшие среди значительной части советской интеллигенции во второй половине XX в. Отечественный исследователь В. К. Кормер, хорошо знакомый с этим феноменом, описывал его следующим образом: «Идеалом для него (советского интеллигента. — С. С., Б. В.) является жизнь его американского или европейского коллеги, свободного, хорошо оплачиваемого специалиста, который вынужден, правда, работать значительно напряженной, чем работает интеллигент здесь, в России, но зато имеет собственный автомобиль, коттедж, семью из четырех детей, неработающую жену и может путешествовать по всему миру» [3, с. 211–212]. И проблема заключается не в том, что подобное представление о жизни западных интеллектуалов не всегда соответствовало реальности, а в безусловном признании превосходства этого чужеземного образа над советской действительностью. Носитель мидизма всегда считает чужую культуру более привлекательной, чем родную, а достижения иностранцев более значимыми, чем заслуги соотечественников. Но важно оговориться, что мидизм всегда конкретен: его носители ориентируются не на все чужие общества в противовес родному, а на какой-то известный образец (например, на США или, как это было в Древней Греции, Персию). Разновидностью мидизма является идеализация вымышленных дикарей, образ которых противопоставляется сложности и запутанности зрелой цивилизации. В античности такая идеализация была отличительной чертой Александрийской школы: ее представители сочиняли пасторальные истории о кельтах, очарованных философией Пифагора, или о скифах-вегетарианцах, исповедующих социалистические идеи [4, с. 129–130]. При этом «благородный дикарь», зародившись в античности, вернулся на литературное поле в эпоху Просвещения в образе индейца или перса, чей образ жизни противопоставлялся «старому порядку» французскими философами XVIII в. В русской культурной традиции образ «благородного дикаря» получил не этническое, а социально-классовое наполнение. Например, радикальная интеллигенция середины XIX в. идеализировала крестьян, превращая хлебопашцев в буквально бутафорских персонажей и приписывая им черты, которыми русские крестьяне никогда не обладали. Исследователь русской культуры протопресвитер Александр (Шмеман) дал такой идеализации очень удачную характеристику: «У “народа”, по представлению этого сознания, ничего не было: ни культуры, ни свободы, ни даже элементарных форм общественной жизни, и в этом смысле он был объектом сострадания, жалости, милости. Но у него оставалось одно, главное: живое нравственное сознание, та таинственная “правда”, к которой он все относит, которой он все мерит и которая “сквозит” и “тайно светит” в его жизни» [5, с. 192]. Излишне говорить, что реальное русское простонародье не было ни благородным, ни диким и не располагало никакой «таинственной правдой». Поэтому радикальная интеллигенция раз за разом испытывала непонимание и разочарование, когда пыталась с народом взаимодействовать. Более того, реальная борьба крестьянства за свои права и интересы (от пугачевщины до антоновщины) нередко выглядела совсем не так, как надеялись поклоняющиеся «благородному дикарю» интеллигенты. Однако следует отметить, что при всей своей искусственности данный тип внутреннего варварства оказался неистребимым, хоть и не таящим для цивилизации реальной угрозы.

Деструктивные контркультурные движения. Контркультура представляет собой сложный феномен, и далеко не все ее проявления имеют отношение к внутреннему варварству. В момент исторической зрелости, когда духовная культура цивилизации уже не может объяснить и легитимировать все стороны чрезмерно усложненной социальной и политической жизни, люди обращаются к верованиям и идеям, прежде считавшимся маргинальными. Некоторым из этих течений удается войти в переменчивую историческую обстановку и даже стать основой новой господствующей культуры (например, христианство). Но некоторые религиозные и псевдорелигиозные движения и секты предпочитают уклоняться от сотрудничества с обществом и вступают с ним в явное или скрытое противостояние. В лучшем случае их адепты живут за счет «непосвященных», а в худшем — пытаются разжечь эсхатологическую войну, ссылаясь на то, что пришло время покончить с миром, «погрязшим в грехах». В качестве примера таких движений можно привести средневековых французских альбигойцев, активность которых привела к затяжной войне [6, с. 210], или китайскую секту «Белый Лотос», вдохновлявшую почти все антиправительственные выступления XVIII–XIX вв. [7, с. 167]. Для указанных нами движений были характерны эзотерические доктрины, т. е. адепты узнавали не все учение, а лишь ту его часть, которая соответствовала их степени посвящения. В результате и в европейском, и в китайском варианте событий секты превратились в иерархические структуры, в которых представители высших степеней жили за счет «младших братьев» и беззастенчиво использовали их в своих интересах, а все «посвященные» стремились занять аналогичную позицию в отношении «непосвященного» общества. Такая беспринципная, но освященная мистической доктриной позиция опасна для общества тем, что по определению не может стать достоянием всех граждан, но при этом вносит в духовное и социальное поле цивилизованного общества раскол и делает неизбежным противостояние «посвященных» всем остальным.

Революционные движения и идеологии. Данный тип внутреннего варварства впервые вышел на историческую сцену в Новое время и только в Западной Европе, а лишь оттуда в XX в. распространился на страны «третьего мира». Показательно, что ни Африка, ни Азия не создали ни одной собственной революционной идеологии, предпочитая осваивать зародившиеся в Европе либерализм, национализм и социализм. Если же подчеркнуть самую важную характеристику революционера, то он похож на контркультурного сектанта, но не ждет гибели «греховного» земного мира и не всегда пытается жить за счет «косного», «темного» большинства, а надеется путем уничтожения современной ему социальной эмпирии ускорить наступление земного «светлого будущего». Именно с этим связаны такие побочные эффекты революционной практики, как разрушение памятников старины, глумление над религией и в ряде случаев классовый террор. В некоторых случаях революционеры пытаются радикальным образом реформировать духовную сферу общественной жизни, что выражается в антирелигиозной политике, дискредитации доминирующих в обществе верований и культов. И если после отстранения самых радикальных деятелей от власти многие принятые ими меры оказываются отменены, то для дальнейшего исторического развития общества даже одноразовое легальное глумление над святынями даром не проходит. Но поскольку революционные движения представляют собой относительно новое, прежде не встречавшееся социально-духовное явление, то их роль в историческом развитии нашими

современниками не может быть адекватно оценена. Ведь некоторые отдаленные последствия французской (1789), китайской (1911) и русской (1917) революций станут очевидны только в будущем.

Социальная дезинтеграция. Данное явление может иметь различные причины, но применительно к нашему исследованию оно становится настоящим рассадником антигосударственного, радикального индивидуализма, подрывающего самые основы цивилизованного общества. Как мы отметили выше, в истории цивилизованного общества постоянно развиваются и углубляются такие факторы, как стремление к материальному комфорту, правосознание и рационализация труда. В момент исторического надлома право и государство становятся по отношению к обществу чем-то внешним. Это не диверсия или ошибка, а закономерное следствие нарастающего разделения и рационализации труда. Именно благодаря этому однажды государственный механизм превращается в закрытую корпорацию, живущую за счет общества, в данную структуру не включенного. Именно тогда среди чиновников коррупция превращается из исключения в правило, методы принуждения становятся единственным языком властей в разговоре с простонародьем, а простолюдины начинают воспринимать государственных служащих как оккупантов. Вчерашние сограждане принимаются тайно и явно делить материальное достояние цивилизации, воспринимая друг друга как конкурентов или тактических союзников и не гнушаясь приглашать себе на помощь варваров внешних. Ослабление и гибель государства, за счет которого они живут, этих людей не смущает, потому что каждый из них ценит и уважает только самого себя. Итальянский философ XVIII в. Дж. Вико описал это общественное состояние красноречиво и метко: «...народы, подобно скотам, привыкли думать только о личной выгоде каждого в отдельности, так как они впали в последнюю степень утонченности или, лучше сказать, спеси, при которой они подобно зверям приходят в ярость из-за одного волоса, возмущаются и звереют, когда они живут в наивысшей заботе о телесной преисполненности, как бесчеловечные животные, при полном душевном одиночестве и отсутствии иных желаний, когда даже всего лишь двое не могут сойтись, так как каждый из двух преследует свое личное удовольствие или каприз, — тогда народы в силу всего этого из-за упорной партийной борьбы и безнадежных гражданских войн начинают превращать города в леса, а леса — в человеческие берлоги. Здесь в течение долгих веков варварства покрываются ржавчиной подлые ухищрения коварных умов, которые варварством рефлексии сделали людей такими бесчеловечными зверями, какими сами они не могли стать под влиянием первого варварства чувств: ведь второе обнаруживало великодушную дикость, от которой можно было защититься или борьбой, или осторожностью, а первое с подлой жестокостью, под покровом лести и объятий посвящает на жизнь и имущество своих ближних и друзей» [8, с. 470]. Историческим примером подобной социальной дезинтеграции в действии может послужить распад Западной Римской империи, в ходе которого провинциальные губернаторы возглавляли сепаратистские выступления, претенденты на престол организовывали государственные перевороты даже перед лицом нашествия внешних варваров, а обобранные помещиками крестьяне встречали готов и вандалов как освободителей.

Цифровое варварство. Этот термин предложен современным отечественным исследователем В. М. Немчиновым, который справедливо полагает, что развитие

информационных технологий и перенос немалой части межличностных отношений в интернет неизбежно имеет негативные последствия для умственного и эмоционального состояния людей. Цифровая варваризация общества не является частью масштабного вредительского плана, а следует из самой природы характерной для интернета манеры подачи информации. В. М. Немчинов описывает связь цифрового варварства с интернетом так: «В своем цифровом обличье новое варварство выступает в субъектной и бессубъектной формах, но при этом оно неизменно стремится к максимальной обезличенности, неузнаваемости и неуловимости. В этом качестве оно, прежде всего, осуществляет подмену подлинных ценностей и значимой информации, сразу захватывая внимание пользователей крикливым, броским, цепляющим внимание бессодержательным контентом, проще говоря, псевдосодержанием, построенном на проталкивании выхолощенного эмоционального аффекта. Пользователям предлагается потреблять широкий спектр готовых суррогатов чувств — желтые иконки и готовые цветные плакатки, многократно пересылаемые на все случаи жизни, вместо проникновенного выражения собственных живых чувств» [9, с. 156]. Упрощение подачи и усвоения информации неминуемо приведет (и приводит) к снижению интеллектуального и нравственного уровня реципиентов. Можно сказать, что люди, личность которых социализировалась в интернете, по своему интеллектуальному развитию гораздо примитивнее не только изобретателей интернета, но и тех своих современников, которые воспринимают «всемирную паутину» лишь инструментально. Поэтому закономерным итогом широкого распространения интернета во всех сферах общественной жизни станет деградация этих сфер. Ведь глуповатый и эмоционально незрелый человек вряд ли сможет поддерживать в работоспособном состоянии сложные технические комплексы и политические институты, доставшиеся ему от предков.

Подведем предварительные итоги. Внутреннее по отношению к цивилизации варварство возникает как закономерное следствие исторического развития характерных черт цивилизованного общества, а после цивилизационного надлома приобретает угрожающий существованию политического и духовного порядка масштаб. Например, если мидизм или деструктивные контркультурные течения, взятые отдельно от других факторов, не представляют угрозы ни для общественного уклада, ни для государственного режима, то углубляющаяся социальная дезинтеграция превращает общество в поле битвы между агрессивными индивидуалистами, а цифровое варварство уничтожает интеллектуальный и нравственный потенциал, благодаря которому цивилизация смогла достичь высокого уровня материального и духовного развития. Очень важно отметить, что все рассмотренные нами типы внутреннего варварства не исключают, а дополняют друг друга. На позднем этапе исторической жизни цивилизации они сливаются в настоящую волну, буквально смывающую духовные, политические и правовые основы данной цивилизации.

Особенности современного внутреннего варварства (на примере движения “Black lives matter”)

До сего момента мы рассматривали феномен внутреннего варварства теоретически. Теперь перейдем к современной фактуре, а в качестве примера обратимся к афроамериканскому радикализму, совмещающему в себе несколько типов вну-

тренного варварства. Данный пример выбран нами неслучайно. Дело в том, что сегодняшние социально-политические и межэтнические проблемы российского общества активно обсуждаются в научной и популярной печати, но именно поэтому их анализ крайне ангажирован. Вряд ли нам удастся осуществить беспристрастный анализ современных нам и беспокоящих нас проблем российской реальности. Зато территориальная отдаленность и идейная индифферентность от нас общин афроамериканских националистов-радикалов, действующих в США, позволяют рассмотреть данное явление со стороны, в контексте учения о внутреннем варварстве, а не с позиции участника событий.

Современному отечественному читателю наверняка знакома американская политическая организация «Жизни черных важны» (“Black lives matter”, BLM), объявившая своей целью достичь реванша за историческое угнетение и порабощение африканцев американцами европеоидного происхождения. Лидеры данного движения и сочувствующие им либеральные публицисты требуют от белого (в первую очередь — англосаксонского) населения США признать за «черными американцами» ряд правовых и экономических привилегий, которые в идеале погасят исторический долг США перед африканцами за работорговлю XVII–XIX вв. Однако необходимо признать, что данное обвинение является необоснованным и во многом лишённым смысла. Во-первых, рабство в США было отменено еще в 1865 г., и поэтому в данный момент на территории страны нет ни одного человека, который бы от рабства реально пострадал. Законы о расовой сегрегации, долгое время стеснявшие жизнь бывших рабов и их потомков, также канули в лету еще в 1964 г. и современным афроамериканцам никакого вреда нанести не могут. То есть в наши дни правительство США и американцы-европеоиды не имеют никакого долга перед своими чернокожими согражданами. Во-вторых, африканские невольники эпохи рабства и современные афроамериканцы принадлежат к различным расовым и этническим типам. Современный отечественный исследователь А. Л. Литинский привел статистику 1930 г., согласно которой даже в те дни более 80 % афроамериканцев были мулатами и не говорили ни на каком языке, кроме английского [10, с. 73]. Следовательно, ни к Африке, ни к негроидной расе афроамериканцы не имеют серьезного отношения, и поэтому их политические и экономические требования — это требования одних сограждан к другим, но никак не национально-освободительная борьба. Ведь никакой африканской нации в США попросту нет, и угнетения ее по этой причине тоже нет. Получается, что представители политического движения BLM требуют для себя и своих соратников односторонних привилегий и ничего не предлагают государству взамен. А если учесть их агрессивность и популярность в СМИ, то это движение представляет собой немалую проблему для американского государства и принятого в обществе стиля жизни («американская мечта»). Лидеры “Black lives matter” не делают секрета из своего восприятия США как чужого государства, которое можно использовать и даже уничтожить, если оно не согласится с требованиями чернокожих радикалов [11, с. 11].

Откуда же появились эти внутренние варвары? Афроамериканский радикализм (выражающийся в националистических и реваншистских движениях) является искусственно созданным, возникшим именно в США и не имеющем к Африке никакого отношения. Идейные предпосылки для возникновения движений, подобных BLM, сложились в начале XX в., когда перед чернокожими американцами стоя-

ла проблема самоидентификации. Законы о расовой сегрегации налагали на них ряд чувствительных ограничений, которые не позволяли афроамериканцам влиться в англосаксонское общество США, но и не запрещали им жить и работать в стране, подобно другим ее жителям. На фоне этого диссонанса в 1920–1930-е годы начали возникать афроамериканские социальные и псевдорелигиозные учения, в которых перемешивались мидизм и деструктивная контркультура. В их числе «Храм мавританской науки», основанный в Чикаго проповедником Тимоти Дрю и представлявший собой попытку пропаганды среди чернокожих американцев многократно упрощенного ислама и ненависти к американцам-европеоидам, и религиозно-политическое движение «Нация ислама», совмещавшее идеи афроамериканского реваншизма с антихристианскими призывами, и возникшая после Второй мировой войны анархо-социалистическая организация «Черные пантеры», боровшаяся за политическую автономию районов компактного проживания афроамериканцев от государства. Но все эти течения и движения не играли и не могли сыграть серьезной роли в политической жизни страны, потому что афроамериканцы остаются в США абсолютным меньшинством даже сейчас. Зато становление контркультуры 1960-х годов с ее антивоенными и антигосударственными лозунгами быстро привело к эрозии основных идей и ценностей англосаксонской Америки и превратило чернокожих радикалов из политических и духовных маргиналов в борцов «за все хорошее против всего плохого», которых в те годы в США было немало. Антивоенная риторика хиппи и социалистов привела к критике американского государства и его истории, именно в те годы возникла мода приносить извинения индейцам за притеснения их предков, имевшие место в XIX в. Протестантизм подвергся атаке всевозможных неоязыческих и откровенно сатанинских культов. В этой пестрой толпе ниспровергателей американского образа жизни афроамериканские радикалы оказались очень уместны. Они также отвергали протестантизм и американскую политическую и культурную идентичность, пытаясь отождествлять себя с племенами «черной» Африки. О том, как выглядел такой наивный мидизм со стороны, красноречиво писала советская исследовательница Л. Голден: «Хотя они страстно желают в первую очередь быть африканцами, а американцами — во вторую, весь их жизненный опыт, образование и манеры — американские в двух-трех поколениях. Некоторые пытаются одеваться в национальные костюмы, часто смешивая мужскую и женскую одежду, а также виды причесок» [12, р. 185]. Но, невзирая на такой бурный накал страстей, отмена расовой сегрегации была воспринята большинством афроамериканцев как путевка в жизнь, и вместо конфронтации с американцами-европеоидами они предпочли получать образование и осваивать престижные специальности, чтобы занять в американском обществе достойные места. Для того чтобы поддержать получивших гражданские права, но не финансовый достаток афроамериканцев, правительство приняло ряд мер, сохраняющихся по сей день. Это и высокие пособия по безработице, и социальное жилье, и продовольственные талоны, и даже квоты в вузах для чернокожих студентов. К сожалению, это привело к обратному результату: благодаря пропаганде, активно ведущейся радикалами, афроамериканцы восприняли эту помощь не как благодеяние, а в качестве начала погашения исторической вины потомков рабовладельцев перед потомками рабов. С тех пор требования, выдвигаемые афроамериканскими радикалами из ВЛМ и подобных ей движений, становятся все более нескромными, и среди

афроамериканцев находится немало желающих жить за счет государственной поддержки (небогато, зато не работая). Не в последнюю очередь именно поэтому в афроамериканских районах мегаполисов США процветают алкоголизм, наркомания и связанный с ней бандитизм. Но, опять же, для государственного механизма США содержание афроамериканцев и решение связанных с ними социальных и криминальных проблем не очень обременительно.

Ситуация изменилась в 1990–2000-е годы, когда некоторые американские политические деятели осознали антиправительственный потенциал афроамериканских реваншистских организаций. Можно предположить, что для некоторых деятелей американского либерализма афроамериканские радикалы предстали в образе «благородных дикарей», от защиты прав которых можно получить немалую выгоду. Сложился негласный союз между либеральными политиками и «черными» радикалами, в рамках которого реваншисты обеспечивают либералам голоса на выборах и хулиганские провокации в адрес их политических оппонентов, как это произошло летом 2020 г., а либералы исподволь финансируют реваншистов и создают им в СМИ репутацию борцов за свободу [11, с. 12]. При этом обе стороны конкордата воспринимают друг друга исключительно как тактических союзников и не имеют общих планов на будущее. Этот временный союз обладает немалой опасностью для американского общества и государства. Во время волнений 2020 г., формально связанных с убийством полицией чернокожего рецидивиста, а по факту направленных либеральными политиками против действующего президента Д. Трампа, обнаружился ударный потенциал афроамериканских националистических организаций и криминальных структур. Причем жертвами беспорядков стали не только полицейские, но и немалое количество европеоидных американцев, никакого отношения не имевших ни к убийству рецидивиста, ни к политической платформе президента. Немалую роль сыграли и «цифровые» варвары, ради сиюминутной популярности размещавшие в интернете видео погромов, массовых драк и перестрелок, тем самым создавая «Black lives matter» репутацию грозной силы. Оказался ли союз либералов и радикалов эффективным? Если учесть, что президент Трамп под влиянием созданного в обществе ажиотажа был вынужден снять свою кандидатуру с выборов на второй срок, то эффект оказался потрясающим. Тем более что занявший президентский пост Дж. Байден повел страну иным политическим курсом, чем предшественник. Получается, что внутренние варвары, в убеждениях которых переплелись мидизм, контркультурные учения и мотивы, характерные для дезинтегрирующегося общества, смогли повлиять на внутреннюю и внешнюю политику государства. Поскольку опыт оказался удачным, то наверняка он будет повторен, только более ярко и жестоко.

Итак, мы рассмотрели современное внутреннее варварство на примере афроамериканского радикального движения BLM. Все выделенные нами выше типы, за исключением разве что революционной идеологии, оказались задействованы в данном явлении. Да и революционные мотивы нельзя безоговорочно сбрасывать со счетов, потому что они играли заметную роль в деятельности «Черных пантер», на основе которых сформировалось «Black lives matter». Случайно ли участие всех типов внутреннего варварства в этом конкретном прецеденте? Думается, что нет. Более того, сам пример позволяет оценить исторический возраст новоевропейской цивилизации, к которой относятся США, и предположить, что в будущем проблема лишь усилится.

Заключение

В данной работе мы очертили симптомы болезни и вызывающие ее причины. Но какое лечение внутреннего варварства можно было бы порекомендовать? Конечно, рост внутреннего варварства свидетельствует об исторической старости цивилизации, но преклонный возраст вовсе не означает смерть. Подобно тому, как физкультурные упражнения поддерживают здоровье даже пожилого человека, так и для цивилизации крайне полезны меры, укрепляющие ее политическое и духовное единство. В частности, целенаправленно совершаемые шаги по блокированию превращения государственных функционеров в замкнутую касту могли бы стать эффективным способом борьбы с социальной дезинтеграцией, а поддержка традиционной для данного общества духовной культуры могла бы сузить пространство контркультуры. Мидизм, к сожалению, неистребим, потому что является производным от широкого кругозора цивилизованных людей, но его вполне можно лишить популярности, если приравнять к культурному ренегатству. Вопрос лишь в том, кто и с какой целью станет все эти меры принимать? Но это тема для отдельного исследования.

Литература

1. Мотрошилова, Н. В. (2010), *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*, М.: ИФРАН.
2. Тацит (1886), *Соч.: в 2 т.*, т. 1, СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева.
3. Кормер, В. К. (1997), *Крот истории, или Революция в республике S=F*, М.: Традиция.
4. Широкова, Н. С. (1979), Идеализация варваров в античной литературной традиции, *Античный полис: межвузовский сборник*, вып. 5, с. 124–137.
5. Шмеман, А. (2017), *Основы русской культуры. Беседы на Радио Свободы. 1970–1971*, М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
6. Осокин, Н. А. (2000), *История альбигойцев и их времени*, М.: АСТ.
7. Поршнева, Е. Б. (1991), *Религиозные движения позднесредневекового Китая*, М.: Наука.
8. Вико, Дж. (1994), *Основания новой науки об общей природе наций*, М.: REFL-book.
9. Немчинов, В. М. (2022), Современное цифровое варварство в виртуальном пространстве киберкультуры, в: *Философия и культура в гуманитарном дискурсе*, Воронеж, Россия, 27–28 апреля 2022 г., Воронеж, с. 153–161.
10. Литинский А. Л. (2009) Формирование этнического самосознания афроамериканцев в XX в., в: Давидсон, А. Б. (ред.), *Rax Africana: континент и диаспора в поисках себя: сб. науч. статей*, М.: Изд. дом. ВШЭ, с. 71–100.
11. Таратута, М. А. (2020), Американские абсурды, *Международная жизнь*, № 9, с. 4–13.
12. Golden, L. (2002), *My Long Journey Home*, Chicago: Third World Press.

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2023 г.;
рекомендована к печати 29 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Сулимов Станислав Игоревич — д-р филос. наук, доц.; sta-sulimov@ya.ru
Васильев Борис Викторович — д-р филос. наук, доц.; epikur53@mail.ru

Internal Barbarism as a Socio-philosophical Problem of Modernity

S. I. Sulimov¹, B. V. Vasilev²

¹ Voronezh State University,

1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation

² Voronezh State Agricultural University,

1, ul. Michurina, Voronezh, 394087, Russian Federation

For citation: Sulimov S. I., Vasilev B. V. Internal Barbarism as a Socio-Philosophical Problem of Modernity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 1, pp. 121–133. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.110> (In Russian)

This work is devoted to the consideration of such a modern problem of the global world order as the growth of internal Barbarism. Based on the concept by N. V. Motroshilova, the authors believe that Barbarism internal to Civilization, in contrast to its external counterpart, is a side result of civilizational development. We can say that each civilization creates its own internal Barbarians, who then contribute to its death. The article also provides a typology of internal Barbarism, which includes such varieties as Midism, destructive countercultural movements, revolutionary movements, social disintegration (understood as aggressive individualism), and digital Barbarism (a decrease in the intellectual and moral level of people under the influence of the transfer of interpersonal communications to the Internet). Some of these types, acting separately, are practically safe for society, but others can lead civilization to political and economic collapse. The older the historical age of a civilized society, the more internal Barbarism grows in it. It can be assumed that in society on the eve of its historical death, all types of internal Barbarism are present, act and complement each other, and the state created on the basis of the political and spiritual principles of such civilization is perceived by all citizens as something external in relation to them. It turns out that fellow citizens are fighting against their own state and against each other, and each of them hopes to get personally some material benefits from general collapse. As an example of manifestation of internal Barbarism in the modern world, the authors consider the drastic African American movement 'Black Lives Matter', in the formation and functioning of which all the abovementioned types of internal Barbarism can be traced.

Keywords: civilization, internal Barbarism, Midism, counterculture, social disintegration, *Black Lives Matter*.

References

1. Motroshilova, N. V. (2010), *Civilization and barbarism in an era of global crises*, Moscow: IFRAN Publ. (In Russian)
2. Tacitus (1886), *Writtings in 2 vols*, vol. 1, St. Petersburg: Izd-vo L. F. Panteleeva Publ. (In Russian)
3. Kormer, V. K. (1997), *The Mole of History or Revolution in the Republic S=F*, Moscow: Traditsiia Publ. (In Russian)
4. Shirokova, N. S. (1979), The idealization of barbarians in the ancient literary tradition *Antichnyi polis: mezhvuzovskii sbornik*, iss. 5, pp. 124–137. (In Russian)
5. Shmeman, A. (2017), *Fundamentals of Russian culture. Talks on Radio Liberty. 1970–1971*, Moscow: Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta Publ. (In Russian)
6. Osokin, N. A. (2000), *A history of the Albigoyans and their times*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
7. Porshneva, E. B. (1991), *Religious movements of late medieval China*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
8. Vico, G. (1994), *Foundations of a new science of the general nature of nations*, Moscow: REFL-book Publ. (In Russian)

9. Nemchinov, V.M. (2022), Contemporary digital barbarism in the virtual space of cyberculture, in: *Filosofiiia i kul'tura v gumanitarnom diskurse, Voronezh, Rossiia, 27–28 apreliia 2022 g.*, Voronezh, pp. 153–161. (In Russian)
10. Litinskii, A.L. (2009) Shaping the ethnic identity of African Americans in the twentieth century, in: Davidson, A. B. (ed.), *Pax Africana: kontinent i diaspora v poiskakh sebii: Sb. nauch. Statei*, Moscow: HSE Publishing House, pp. 71–100. (In Russian)
11. Taratuta, M. A. (2020), American absurdities, *International Affairs*, no. 9, pp. 4–13. (In Russian)
12. Golden, L. (2002), *My Long Journey Home*, Chicago: Third World Press.

Received: February 4, 2023
Accepted: November 29, 2023

Authors' information:

Stanislav I. Sulimov — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; sta-sulimov@ya.ru
Boris V. Vasil'ev — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; epikur53@mail.ru